

Устал, измучен, опустошен. Все безразлично, никаких надежд. Живу часом. Сейчас написал тебе письмо со стихом.

10 марта 1945 года

Получили приказ маршала Жукова о прекращении убийств женщин, стариков, детей, насилия, пьянства, мародерства. Немцы установили на передовой рупоры и передают музыку, агитируют. Ведут сильную контратаку. Взяли обратно деревню. Наши отступили, окопались на опушке леса.

16 марта 1945 года

Ночью встали перед Ключем, дальше немец не пускает, бьет из пулеметов и минометов. Окопались, залегли. Утром танки пошли в атаку на деревню, но не дошли, встали, отстреливаясь прямой на — водкой. Немец бьет по нашей высотке. Утром случилось несчастье — снайпер подстрелил командира моей роты капитана Таратынова. Попал прямо в сердце.

Артиллерия бьет по своим

19 марта 1945 года

Иду обратно в полк. Прохожу тылами, все забито народом, сдают посылки, собирают трофеи, а на передовой никого нет — кто воюет, кто наживается. Рядовой солдат не имеет возможности отправить посылку. Он первый берет деревни, он бьется за каждый дом. Потом усталый, измученный, думает лишь о том, как бы немного отдохнуть и покушать. Ему не до трофеев, не до посылок. Это привилегия хоз — взводов, старшин, ездовых и тылов. Сейчас напишу письмо Фаинке. Убили комбата, ранило много офицеров. Сгорел штаб полка, люди не пострадали. Артиллерия бьет по своим. Почти все ранены своей артиллерией.

27 марта 1945 года

Вчера мне исполнилось 25 лет. Спрятал в вещмешок трофейный пистолет — отбираю. Приказ — сдать патроны. Вечера чудные, лунные. Лежу, глядя на качающиеся созвездия через вершины елей, слушая прекрасную пластинку Розины Серрано — испанской певицы. Сколько родного, знакомого будит ее пение в моем сердце — далека

недосягаемая для меня Азия, такой же нежный и любимый голос моей родной Фаинки.

20 апреля 1945 года

Ночь прошла кошмарным видением. Прорвали оборону немцам, и в этот прорыв ринулись стихийной волной войска. Ночь. По шоссе движутся в три ряда повозки, авто, танки, пушки, минометы, пехота. Шум, грохот, ругань ездовых, треск ломающихся колес. Машины давят повозки, повозки давят пехоту, кавалерия также давит пехоту, танки давят всех. Сбоку бьет немецкая артиллерия, бронетранспортеры. Болванкой попало в машину с людьми. Стоны, крики, стихия, не управляемая никем, движимая одним общим желанием — в Берлин, в Берлин, в Берлин!

24 апреля 1945 года

Замкнули кольцо вокруг Берлина, масса пленных — немцы, ма — дьяры. Немцы взорвали переправу на Потсдам. Получил благодарность за прорыв обороны. Не выходят из головы твои письма. Сажу в зале ресторана. Кругом разбросаны стулья, стаканы, рюмки, бутылки. Темнеет. Играет немец — тапер, прекрасно. Странное сочетание — грохот разрывов и нежная мелодия лирического танго. Мимо проносят раненых, проносятся танки.

29 апреля 1945 года

Заехал в центр Потсдама. Исключительно красивый город, старинные башни, широкие бульвары, садики, триумфальные арки, газоны. Улицы вымощены базальтовым камнем. Уже все свыклись с немцами, да и они нас перестали безумно бояться. В городе плохо с хлебом, наши солдаты дают населению хлеб. Линию фронта установить невозможно — стреляют всюду, и впереди, и сзади, и сбоку. Война перешла в партизанскую борьбу со стороны немцев. Много их сдается в плен.

Ночью проснулся от криков «ура!»

3 мая 1945 года

Прорыв 12 немецких танков, кошмарная ночь. Сейчас утро, приходят немцы с белыми флагами — сдаются, частью прорвались к